

Р2
СГ ПЗ1 К

СЕМЕН ПЕЧЕНИК

Железнодорожная
ПЕХОТА

2 аб

28.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллч. пред. выдач.

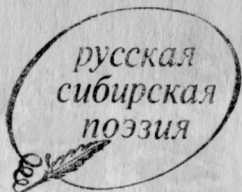
28 ст.

--

ГУК Кемеровская областная
библиотека для детей и юношества

134802

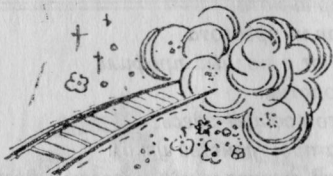

СГ Р2 х
П31

СЕМЕН ПЕЧЕНИК

Железнодорожная
ПЕХОТА

Стихи

Кемерово
«Сибирский родник»
1997

* * *

Железнодорожная пехота!
Ладная бушлатная братва,
Зерна пота,
Капли креозота
Сеют в полный профиль
Полотна.
Что взойдет здесь
На пространстве узком
Под фронтальным навесным дождем?
Дань отдав по-русски —
Перегрузкам,
Сами мы, наверно,
Взойдем.

Гук Кемеровская областная
библиотека для детей и юношества

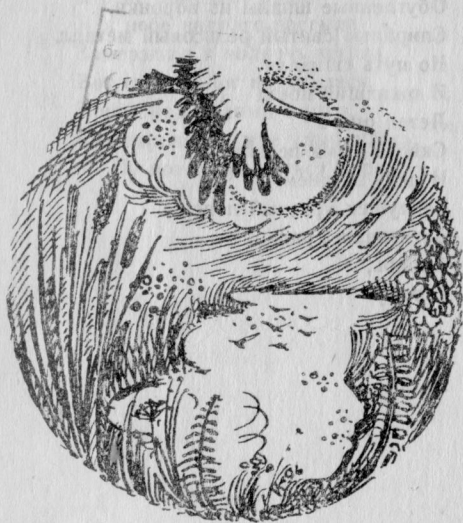
Отдел — 468056 —

(ул. Артема, 17)

Кемеровская областная
детская библиотека
им. А. П. Гайдара
Основной фонд

Рассветных далей
благодать

КРАСНЫЙ ПОЯС

Я помню взрывы,
Горький хрип трехтонки.
Был над перроном флаг — щемяще ал.
Обугленные шпалы из воронки,
Спиралью свитый рельсовый металл.
Но путь сшивали
И ожиеший поезд
Летел опять
Сквозь дыма пелену.
И день за днем
Теплушек красный пояс
Затягивал Урал,
Сибирь,
Страну.

* * *

Л. Г.

Вот изморозь шпалы покрыла,
В реке холодеет вода,
И в небе надолго застыла
Замерзшая в полночь звезда.
Вот стая на юг потянулась,
Крича над полями с утра.
Как горько ты мне улыбнулась:
— Ну вот и прощаться пора...

* * *

Слышал ты, как кричат поезда на рассвете,
Когда серый туман растворил звонкий путь?
Положи в чемодан том стихов, сигареты
И рукою махни: ну, пока, не забудь!
Как вкусна у старушек сметана из кринки,
Огурцы покупаешь, жуешь и молчишь.
Ну, а если сегодня, в предутренней дымке,
Уплывает твой Город в мерцании крыш?
Уплывают каштаны, мелькают ракиты,
Ну а ты напряженно чего-то все ждешь...
Ты на добрых мечтах и надеждах воспитан,
Так возьми, увези этот киевский дождь!

В ТИРЕ

В заснеженном Ленинск-Кузнецке
Война приземлила меня.
Впадала в сибирское детство
Зеленая речка Иня.
Мне снились тогда командиры
В буденовках с алой звездой.
«Садил» махру возле тира
Учащиеся ФЗО.
И мне инвалид на ступеньках
Винтовку порой выдавал.
Шептал: «Цель под свастику, Сенька»,
И я иногда попадал.
И я принимал как мужчина
Геройский, казалось мне, вид,
Когда говорил: «Молодчина!»
Угрюмый, седой инвалид.

ПАМЯТИ ПОЭТА

«Что бы жизнь ему ни давала —
Человеку все мало, мало!»

Е. Буравлев

Человеку нужно

Много:

Друг надежный и дорога,

Луч звезды

В кромешной мгле.

Человеку нужно

Мало:

Чтоб душа его летала!

Сам пройдет он по земле.

СИБИРЯКИ

Кисельных нет в Сибири берегов,
Молочные пока не льются реки,
Но стылый отблеск льдов и кандалов
Не заморозил сущее навеки.
Мы — вострый нож
В российском голенище —
Изведал это
В сорок первом враг.
И бранной было кличкою: «сибирщик»,
И стало гордым званье — сибиряк!

СВЕТЛЯЧОК

А. Ц.

Этой ночью в Люсдорфе
пришел светлячок к тебе в полночь...
Из ладони твоей
поднимался зеленый рассвет.
Улыбнулась ты мне,
прошептал я: «Любимая!..», помнишь?
Твои губы чуть слышно
шепнули: «Любимый!..» в ответ.
Темноту за обрывом
качало суровое море...
Как теплы и бездонны
были рядом большие зрачки!
Неужель и у нас тоже
мелочь любовных историй
И солгал светлячок
из твоей полудетской руки?

СЕКUNDA

Л. Я.

Как ни грусти — все в жизни преходяще.
Вот потому в толпе бегущих дней
Не удержать минуты заваливающей,
Не говоря о юности своей.
Но если Скорость обгоняет Время —
Как нам Эйнштейн
Об этом говорит, —
О Вечность, на единое мгновенье,
На миг заветный
Мой продли транзит.
Жизнь проживем —
Богато или скудно —
Но все ж единой мерой,
Вдалеке,
Стекает наша общая секунда
По Вечности морщинистой щеке...

ШПАЛА (ОДНОПОЛЧАНАМ)

Моросит осенний дождь устало,
Пришивая горизонт к стерне.
На плече моем уснула шпала.
Креозот стекает по спине.
Сапоги щебенку загребают,
Под ноги себе я не гляжу —
Я тяжелым взглядом отмечаю,
Где я эту шпалу разбужу.
Словно сброшу все свои тревоги,
Разогнусь и воздуха глотну.
Но сержант приказывает строго:
— Поживей тащи еще одну!
— Отделенный, я готов хоть тыщу
За большую ночь перетаскать!
Посмотри на эти вот ручищи —
Да с такими по две надо брать!
Но валюсь при первой же попытке.
Креозот и пот текут со щек.
И сержант хохочет:
«Ишь ты пряткий!
Может, по три спробуешь еще?»
Железнодорожная пехота

Улыбается рождению дня...
Только ты не смейся, моя рота,
И в обоз не списывай меня.
Ведь какое б ни коснулось горе —
Я дойду.
Ведь я один из вас.
Вдалеке на ветреном просторе
Семафор зажег зеленый глаз.

ВОЕННЫЕ СНЫ

Клинки взлетали удалые,
Рвал удила могучий конь.
И отставали пристяжные.
А я командовал: «Огонь!»
Летели вольные тачанки
По гулким трактам
Детских снов.
А в это время
Вражьи танки
Шли на Одессу и Ростов.
А я, спросонья, помидоры
Хватал из чьих-то добрых рук,
И взрывов красные узоры
На стайке вспыхивали вдруг.
И, пробиваясь сквозь оконца,
Победно рдели небеса.
И красное вливалось солище
В мои рассветные глаза.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Семейству Долговых
(из г. Ленинска-Кузнецкого)

И вновь я вижу
Как декабрьским днем
Шахтер приходит к райвоенкомату.
Толкует там
Про уголь, про заём
И просит в бой послать его,
В солдаты.
Он требует,
Он просится туда —
Где вьюга ходит
По шинелям серым,
Куда идут большие поезда
И вновь в Кузбасс
Несутся за резервом.
Три сына у него
На трех фронтах,
Три телогрейки дома опустели,
Да похоронки две на образах,
Да в сердце посвист
Бешеной метели.

* * *

На фронт тянулось множество дорог.
Такой нагрузки не знавали шпалы.
Алтайский хлеб. Кузбасский уголек.
И танки из кузнецкого металла.
Был тягостен и крут
Беды посол.
И похоронка — в каждый дом —
Не новость.
И вот тогда
Кто и куда пошел
Решали военком
И совесть.

* * *

Чечетку бьют составы —
По жилам хлещет ток:
— Вы слышали? Вы правы —
Восток, восток, восток!

Пошел состав. Россия, все Россия!
Несутся шпалы в мельницы колес.
Бьют костыли девчонки молодые.
Идет путеобходчик словно Крёз.
Осанисто, спокойно, величаво,
Не смотрит в мельтешение колес.
Идет путеобходчик вдоль состава.
Идет хозяин.
Сам российский Крёз.

РАССВЕТНЫХ ДАЛЕЙ БЛАГОДАТЬ...

На рассвете в поезде

Трепещет, бьется занавеска —
Чуть различимы за окном
Мелькают пади, перелески
И солнца огненная феска
За дальним выплыла холмом.

Нет никого в пустом вагоне.
Колес ритмичен перестук.
Метнулся. Бросился с разгона.
Отстал дорожный виадук.

А из белесого тумана
Мне вдруг открылось озерцо
Свежо душисто и румяно,
Как будто милое лицо.

Оно дышало, трепетало
Под властью предрассветных чар.
И пролетало, пролетало,
Над ним клубился легкий пар.

Все колдовское миновало,
Но буду долго вспоминать
Лицо озерного овала,
Рассветных далей благодать.

Он стоит, подвешенный к стене,
У края вилки железной восток.
Слабо уныло встала вилка
Там, где вилка вилка вилка
Под тенью тенью тенью тенью

Хороша ты, вагонная дружба,
В час рассветный, когда сталь колес
Синей тенью легла не натужно
На белеющей контур берез.

Хорошо, жизнь измерив на стыках,
Ощущать твою руку, дружок,
Алым солнышком бережно выткан
Расцветающий пышно восток.

В глубине этой дымки таежной
Блещут счастья большие ключи.
И летят здесь с сумою дорожной
И прагматики и рифмачи.

ДЯДЯ ВАНЯ — ФРОНТОВИК

Он стоит, поседевший с войны,
У окна в пассажирском вагоне,
Слабо темные пятна видны
Там, где раньше сверкали погоны.
Под глазами тяжелая синь,
Глаз один полускрыт давним птозом*:
«Ты умишком немного раскинь, —
Говорит мне. — Зачем мне те звезды?
Это — Чаны, любимый мой дом,
Здесь сойду. Через час я у свата.
Караси здесь — известно кругом.
В Карачах — и курорт, и зарплата...»
Дядя Ваня, зачем же ты мчишь
По стране с верстоватистым внуком,
Почему ты в теньке не лежишь,
Почему ты по стыкам, по стукам?
Почему ты, пройдя всё и вся,
Детективы читаешь запоем?
Глаз свой полый несешь сквозь поля,
Не прельщаешься домом, покоем?
«Потому, — говорит, — и затем,
Чтобы жизнью своей насладиться,
Нет движенья — не будет совсем
И ни курицы и ни синицы!»

* Птоз — опущение века (мед.).

БАРАБИНСКИЕ ВОРОНЫ

Вороны, барабинские вороны,
Что так жарко ищете в ночи?
Колосом степным вы не накормлены —
Не для вас буханки, калачи.
По железной подорожной шпарите,
Шарите в обшарпанных кустах.
На своем наречии базарите,
Роетесь в окурках и кульках.
Черные... Как угли сыпом сыпятся.
И худые — вас худее нет!
Воронье в рассветной дымке зыблется,
Хищным клювом долбит белый свет.
С тихим свистом взмахи крыльев частые.
Неизвестно, где вас ждет обед.
Черные-пречерные, глазастые,
Я плачú, давайте к нам в буфет!

Он стоит, распухший с войны,
Уши в мундире жмут на затылке,
Слабо слышит и плохо видит.

ТАК, КАК ОНЫ РАССТАВАНИЕ

Под глазами краснеет земля,

Как много

Есть путей, которых

Пройти нам в жизни не дано.

Вот я задергиваю шторы,

А кто-то растворил окно.

И легкой грустью

Сердце тронет,

И слов для объяснения нет,

Когда попутчик по вагону,

Простясь,

Уходит в белый свет.

* * *

Виктору Череднику

Стихи писать

Мы просто начинали:

Грузили рельсы, шпалы волокли

И — силу мы внезапно ощущали

В ладонях, почерневших от земли.

Ушли друзья.

Застыли капли пота

На рельсе серебристо-голубом.

Легла поэмой трудная работа,

Рифмованная звонким молотком.

СТИХОТВОРЕНИЕ ОДНОПОЛЧАНАМ

Стихи слагаю, сдав наряд,
В солдатском клубе, в воскресенье...
Ребята просто говорят:
«Прочти, Семён, стихотворенье!»
А ведь сказал большой поэт —
Пиши, коль снизошло прозренье.
А у меня прозренья — нет,
Лишь к правде жгучее стремленье.
Нет у меня избытка сил,
Но пригубил я струи ветра,
И я ладонями срастил
Хребет упрямый километра...
Со всей душой строчу в тиши
О вас, друзья из желдорбата.
Ведь всем известно: без души
Нет ни поэта, ни солдата.

ЭМБЛЕМЫ

Сержантам Василию Тупикину
и Науму Чечельницкому

Вспомни, как в шинелях мы ходили
По московской древней мостовой.
И сверкали желдорбата крылья
На эмблеме нашей золотой...
Золотое, наше, дорогое —
Вспомни, у своей души спроси —
Как ловили дружно под Москвою
Редкое полночное такси.
Слово «самоволка» — под запретом,
Но куда подеться, старшина,
Коль лежала и зимой и летом
На сердце девчоночка одна.
Это фото грело так надежно
(Это фото не для всяких глаз!) —
Так спасал упрямый подорожник,
Заживлял нам раны в трудный час.
Наша юность опровергла схемы,
Но бывало истово, не зря
Асидолом драили эмблемы —
Стрелы, звезды, крылья, якоря.
И казалось — и откуда силы? —
В самый трудный, в самый тяжкий час
Выносили желдорбата крылья
И на высоте держали нас.

ТАЙГА

Здесь проходили атаманы,
Играя хлесткою камчой...
Серьгой цыганскою в тумане
Тайга блестит передо мной.
Исхлестанный ветрами в буйстве,
Измерен вдоль и поперек,
Сибирский тракт связует с Русью
Сибирский сумрачный восток.
Цыганский табор в отдаленьи,
Гремит селектор на путях,
На рельсах — голубые тени,
А воздух — кедрачом пропах.
Как колоритен, первобытен
И крут сибирский городок!
Тайга — сей город именитый
Открыт на Запад и Восток.
На Юг и Север магистралью
Летят составы, мчится жизнь.
И рельсовой крутою сталью
Сверкают небеса. Держись!
Держись за поручень, товарищ,
Алеют в небе паруса.
В закатном мареве пожарищ
Тайги зеленые глаза.

ТАЙГА —
ДОРОГ ЖЕЛЕЗНЫХ УЗЕЛ

Сверкает рельс — как древний меч,
Пружинят шпалы, мчатся грузы.
Тайга. Дорог железных узел.
Я гимнастерку сбросил с плеч.
И нет армейского ремня,
Моей просоленной пилотки.
О желдорбат! Я сын твой кроткий.
Хотя б на день возьми меня.
Возьми меня, крутой устав.
Возьми — пусть даже гауптвахта!
Как Фауст, подпишу контракты,
Я от солидности устал.
Устал от взрослости, тщеты,
Тайга, быть может, в год ребенка
Все дни мои, словно щебенку,
Уложишь вновь на насыпь ты.
И Юность как большой состав
Умчит забот житейских грузы.
Тайга. Дорог железных узел,
Ты помоги — ведь я устал.
Глаза закрою: вижу вновь —
Мне девятнадцать. В желдорбате

Лишь только про одну любовь
Всю ночь беседуют солдаты.
...Обнять любимую во ржи,
Дни перебрать как будто бусы...
Тайга! Дорог железных узел,
Мои заботы развяжи.

ДЕКАБРЬСКИЙ РАССВЕТ

Е. Буравлеву

Ах, эта чернь по серебру:
Из темноты встающий город,
Когда рассвет еще так молод,
Ах, эта чернь по серебру!
Деревьев вязь, литье мостов...
И зримой музыкой органа
Проступит город из тумана —
Деревьев вязь, литье мостов.
И серебристою стрелой
Блеснет проспект сквозь дуги улиц.
Снег захрустит, фонарь ссутулится
И город выступит из снов.

Поздний рассвет
И декабрьское небо
С четкой зеленой звездой
Словно привет от нелегкого хлеба,
Что нам дается судьбой.
Я ведь нигде, да, нигде еще не был!
Путь мой лежит впереди:
Мамины руки. И сказка и небыль.
И проливные дожди.
И проливные дожди...

К СЕРОМУ КАМНЮ
СКЛОНЮСЬ ГОЛОВОЙ...

Мама лежит под пожухлой листвою,
Мама лежит под весенней травой.
Мысли мои, как усталые птицы,
Вьются и полнятся болью живою.
Маме вовек не проснуться в ночи,
Хочешь не хочешь, кричи не кричи.
Боже мой, как беспробудно ей спится!
Дождь словно сын запоздалый
Стучится...
Режут турбины простор голубой.
К серому камню склонюсь головой.
Как же могло вдруг такое случиться —
Я никогда не успею домой...

* * *

А. Каткову

Вырезаю строчки из стали,
Вырываю из-под земли
Строчки звонкие, как медали,
Строчки мягкие, как ковыли.
А порою такие муки,
Если чувствуешь — и не сказать.
Я труднее не знаю науки
Строчки звонкие добывать.

РЕКА ИРПЕНЬ

В плакучих ивах берега,
Река текла легко и плавно.
Воды касались облака —
Где горизонт скрывался в плавнях.
Впервые здесь давным-давно
Я начал на воде держаться.
И вот судьбою вновь дано,
Ирпень, твоей воды касаться.
Тогда не понял я сполна —
Какая мне досталась сила:
Ты мне уверенность дала,
Владеть собою научила.
Я знаю: плыть не всех удел,
Но вспоминается сквозь время,
Что тот, кто плавать не умел,
Достоин в Риме был презренья.
Благодарю, Ирпень-река,
Твои уроки помню твердо,
И хоть судьбина нелегка —
Всегда в заботах быть по горло,
Я помню про закон борьбы:
Пока ты жив — не отступаться,
Ведь только трусы и рабы

Житейской глубины бояться.
Прощай, любимая река.
Ты вновь в меня вдохнула силы.
Нет никого. Мчат облака,
Да ивы ветви наклонили.
Была любовь твоя светла,
Как ласка той, навеки милой —
Что на прощанье обняла
И в дальний путь Благословила.

КЕМЕРОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Когда пространство — постоянство:

Сибирь — огромный материк!

То железнодорожный транспорт —

Единственный для нас родник.

Родник, который обеспечит

Водой и хлебом, и углем,

Даст жизни облик человеческий

Метельным и весенним днем.

И Кемеровская дорога

Здесь создавалась неспроста,

Здесь Тыл и Фронт,

Здесь вся подмога,

Тайга и рудные места.

Без этих пыльных, закопченных,

Без крытых, пульманов-вагонов,

Без санитарных эшелонов,

Без пороха и без брони —

Уверен я, что День Победы

Не скоро бы прервал все беды.

И мы смотрели б иступленно

В лицо угрюмое Войны.

И пусть войной дорога эта

Была в три линии продета:

И Томской, Омской была мета
И Западно-Сибирская...
В году же семьдесят девятом
Свой путь означили ребята,
Свой путь означив многократно,
И стала — Кемеровская!..

СНЕГ

Виктору Баянову

Когда ложится мерно синева,
И сумерки сиреневой волною
Смывают все ненужные слова,
А кони Клодта скачут над тобою,
Неволью скажешь:

«Нет прекрасней мест,
Чем этот город в предвечерней дымке».
И ты совсем забудешь про отъезд,
Забудешь Моховую и Ордынку,
Забудешь и далекий свой Кузбасс —
Тайгу родную и проспект Весенний.
Взгляни: вдоль Мойки Пушкин и Есенин,
Беседа, уходят на Парнас...
Но вдруг, как будто в танце колдовском,
Снежинки закружил внезапно ветер.
И стало ясно и легко на свете,
И оживали лица под снежком:
Снег наливался густо синевой
И серебрился в лучевой подсветке,
И повисал над стынувшей Невой
Расцветшею черемуховой веткой.
Снежинки задевали кисти рук,
— Вернись, вернись, — шептали,
— Где б ты ни был!
Сибирский снег, как преданнейший друг,
Нашел меня под ленинградским небом.

* * *

Не скатертью дорога стелится,
И на суровой мостовой
Нам красит волосы метелица
Своей белесою рукой.
Не легкий серебристый иней —
Наивной молодости знак —
Мне бороду прибил до сини
Сибирский бешеный куржак.

Восемь стихов

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ЭТЮД

Детский щебет
возле церкви,
где четыре адмирала,
кортики не сжав в ладонях,
в усыпальнице лежат.
В полночь
приоткрылись
двери,
и спросил тогда Истомин:
— Пал Степаныч,
что там в бухте —
отступил ли супостат?

* * *

Геракл не стал бы исполином,
Не крал бы Прометей огня,
Коль не шептали бы мужчинам:
— Любовь моя, любовь моя!
Но вот пройдет твое кипенье,
Остынешь, тросточку возьмешь
И сочинишь стихотворенье
Про седину и длинный дождь.
Наденешь все свои награды,
Утратишь юношеский взгляд,
Но снится в пору листопада
Цветущий яблоневый сад!
А коли сломлена ограда —
То разве мимо ты пройдешь?!
Твои глаза, объятья сада!
Как лунный свет из губ хорош.
Земля родная!
Ты б остыла,
Угасла тайна бытия,
Коль не шепнула Ева:
— Милый!
Любовь моя! Любовь моя!

Восемь строк

* * *

Имеет все свое начало
И должен быть всему итог.
Мне восемь строк фатально мало
И очень много — восемь строк.

Путь творчества — суров и труден
Сквозь многословия туман...
И каждый день в горниле буден
Бушует страсти океан.

* * *

Не выйдет из тебя поэта,
Коль ты ни разу не любил.
Пойди, пожалуйста на это —
Что у бескрылого нет крыл.

Не выйдет из тебя поэта,
Хоть ты и плакал и страдал —
Как можешь ты ходить по свету,
Нося в кармане пьедестал?!

ШУТКА

Благороден труд у сводни —
Двух людей свести в одно!
Я за святость преисподней
Пью церковное вино.

И кагор богоугодный
Бьет в мозги мои зело —
Благородный труд у сводни
Импотентам всем назло!

* * *

Вдруг показалось, что земля — пустыня,

Стою, пещерным мраком окружен.

Я — древний человек. Забыто имя.

Я — древний человек. Огонь зажжен.

Я буду у костра есть жадно мясо.

Я научусь по звездам путь искать.

Еще неотвратимо и прекрасно:

Моей любимой губы целовать.

ПОЭТЫ

Друг в друга вонзая остроты и шутки,
Сшибаются в яростных спорах витии...

Поэты растут

Как цветы незабудки

Под небом жестокой и нежной России.

Идут по этапу. Обритые. В ватниках.

Сквозь ругань в лицо и сквозь

взгляды косые.

Поэтам при жизни

Не ставят памятники

Под небом жестокой и нежной России.

* * *

У старого, больного Дон-Жуана

Спросили: знал он женщин или нет?

Ответом было: «Море и туманы,

И ветер составляют их портрет.

Суть женщины — великая стихия.

Морской волною вечно ветер пьян.

Их профили, их души золотые

На миг выносит страсти океан».

* * *

На две копейки заставляли жить.
Ногами в землю яростно вминали.
Мне до сих пор не снять и не забыть
Житейских норм скрипучие скрижали.

Оборонялся всем, чем только мог.
И не всегда друзья мне помогали.
Но теплился душевный огонек
И в нем сгорали все мои печали.

ИДОЛЫ

Все идолы повержены. В грязи
Лежат их лица. Холодно. Пустынно.
И все-таки, мой друг, не прослезись
Над стадом этих мертвых исполинов.

Жестокий час прозренья наступил.
И расплылись друзей в тумане лица.
И проступили горбики могил.
И некому и некогда молиться.

МОНОЛОГ ПОЭТА

Заходите же, сумерки, в дом.

Пусть на окна уляжется тень.

Не жалею сейчас ни о чем —

Мой высокий и радостный день.

Я ведь жизнь свою жил —

не писал.

Потому на скрещенье дорог

Стих мой лучший на землю упал,

Как утерянный в схватке клинок.

* * *

Костоправы от поэзии!

Вам,

подлющим,

всем назло —

Я еще иду по лезвию,

Проклиная ремесло.

Вы и добрые и смелые

И правдивее вас нет,

Помнят строки неумелые

Ваш предательский кастет.

* * *

А на привозе
в жаркий летний день
О счастье говорила мне цыганка.
Сибирь.

Зима.

Свистит, свистит метель.
И плачет человек хороший...

Галка.

Она лежит на койке вверх лицом,
А слезы по щекам бегут вопросом
И падают за округленным ртом:
«Ты счастье обещал мне,
а не проседь...»

МОЛЬБА ДОН-КИХОТА

Мне кажется, я древен, словно мир.
А всё, как прежде, по прямой шагаю.
Затуплен меч. И плащ истерт до дыр,
И давит меня вечная прямая.

Враги мои давно ушли в кино.
А Санчо, плут, взят ночью в вырезвитель.
Пьет Дульсинея с грузчиком вино.
О, силы ада, путь мне искривите!

* * *

Может быть, споткнусь когда-то
У дорожного столба
От чеканного булата,
Вороненого ствола.

Ночь глаза мои закроет,
Сумрак плечи обовьет...
Только б не уйти без боя
И упасть лицом вперед!

1946 ГОД

Опускаю свои ресницы...
Вижу черточки в темноте.
Во-он в зените. Это не птица.
«Мессер»! Свастика на хвосте.
Не стирается. Не сотрется!
Солнца диск беспощадно бел,
Вот сейчас фашист улыбнется
И возьмет меня на прицел.

* * *

Не раз вместо хлеба мне камень швыряли
в ладонь,
Плохая работа пожизненный поиск поэта!
За строчкой бросаешься ты из полымя в огонь,
Который уж год не дает тебе отпуск планета.

Доверился вдруг мановенью капризной руки —
И где твоя слава?

И где твои деньги?

И где ты?!

— Эй!

Ручки грызущие

двоечники-ученики!

Скорее на помощь! Скорее в поэты!

ОСЕННИЙ ПЛЯЖ

Галине

Осенний пляж. Весь в отпечатках тел.
Весь в отпечатках пальцев и сандалий...
Душа моя! Где есть тому предел?
Тебя вот так же люди истоптали.

Остался только след твоих локтей,
Да от груди две ямочки литые...
Осенний пляж. Холодный и ничей.
И кипарисы, словно часовые.

ПРИВОКЗАЛЬНО

Снег идет под сводом поздней осени...

Привокзально. Тает снег в вине.

Пожилой мужчина с звонкой проседью

У ларька тоскует о весне.

И стакан с густым, как кровь, кагором

Стынет в его пляшущих руках...

Будь здоров, родным мне ставший город!

Первый снег не тает на висках.

ЖЕЛЕЗНЫЕ КОЛЬЦА

Девчонка, ты помнишь как в вальсе
Солдат тебя пьяный кружил?
Железные кольца на пальцы
Закат тяжело отложил.

А войны, пожары, тревоги
И над пепелищами дым?..
И белые кольца дороги
К вискам опустились твоим.

ВЕДЬМА

Возврата нет. Не запятая — точка.
Бьет в моем сердце колокол: отбой!
Зачем же ты пришла метельной ночью?
Я твои руки чую над собой...

Я не хочу ни близости, ни драки.
На всем твоем давно поставил крест.
Но ты летишь ко мне в метельном мраке,
И... стены расступаются окрест.

* * *

Какого черта! Жизнь дается раз.
О, блеск волнистый молодого тела!
Искусство — жалкий продавец прекрас...
Взгляни, как любят люди неумело.

И поцелуи грубы — на подбор!
И тяжело, тяжело тела содроганье!
Ален Делона бритвенный пробор
Нам нужен, словно зайцу назиданье.

ТУМАН

Туман льется в сердце...

Сдержать — невозможно!

Вдыхаешь туман,

Выдыхаешь — и пьян!

И думать о прошлом

Не хочется — поздно.

И думать о будущем — рано:

Туман!

К ВСКРЫТИЮ ГРОБНИЦЫ ИОАННА ГРОЗНОГО

Все станется молвою после гроба:
Доспехи, роскошь, роковая страсть,
Семь жен Ивана Грозного и злоба,
Немыслимая государя власть!

Все втуне. И ржаветь его доспехам.
Растет трава сквозь треснувший гранит.
И что ему — слезами или смехом
Облита темень погребальных плит...

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ

«Я принял их дань и они целовали мне ноги» —
Так царь ассирийский Аршурнасирапал говорит.
И тысячи лет на старинной военной дороге
Монаршая милость лежит на бесчувствии плит.

Из вони гниения, из окаменевшего праха:

«Я принял их дань...» О, позор на десятки колен!
...Так вот почему, пока не был он Римом

распахан,

Как раненый зверь, не сдавался врагу Карфаген!..

* * *

Борису П.

Крестоносцы — храбрые ребята.
Рваный панцирь. Знамя впереди.
Пусть несчастных жалует Распятый!
Наша вера — меч в чужой груди!

И не даром каждый город взятый,
Каждый разоренный мирный дом
Осеял захватчик многократно
Рукоятью от меча — крестом.

ПОСЛЕДНЕЕ...

Ее я никому не выдам —
Свою последнюю строку.
Как берегут последний выстрел —
Ее под сердцем берегу.

Она не праздники, не будни,
И не поклон, и не привет...
Она — когда мне очень трудно.
Она — когда спасенья нет.

МОНОЛОГ МАЛЬВИНЫ

— Надоедливый мальчишка Буратино!
Оставайся в детской сказке навсегда.
Что ты колешь деревянным носом спину?
Я — невеста, деревянный ты чудак!

Не подглядывай ты в щелочку за мною,
Там, где жизнь без сказочных прикрас,
Продают троянцы грекам Трою,
Щупает актерок Карабас!..

* * *

По мотивам Т. Г. Шевченко

И если жизнь развалилась,
В тупик завела дорога —
Как в высшую справедливость
Поверили люди в Бога.

А Бог восседал на небе,
Творил свой суд и расправу.
И были слабые немые,
И были сильные правы...

* * *

Уходят мужчины. Уходят в раскаты.
Уходят в рассветы. Уходят в планету.
И город становится мрачным и тесным,
И кажется хлеб без любимого пресным.

Но будто бы вот он — идет переулком!
Лишь эхо хохочет протяжно и гулко...
Рассвет за рассветом касаются окон
И женщине красят седеющий локон.

* * *

Всё сараи, бараки, застройки...
Век ракетный, куда ты спешишь?
Ты не платишь свою неустойку —
Протекает ведь множество крыш.

Да, ракеты теперь, а не кони,
Но еще впереди — на века —
Космонавтов, ученых, влюбленных
Будут руки кормить мужика.

* * *

Ругани площадной стужа...
С головой уйду в леса! —
Мне о теле женском жутко
Слово бранное сказать.

И фальцетом восклицаю:
— Я — такой-то имярек —
Чуда высшего не знаю,
Чем тот первородный грех!

* * *

Играет с молодостью сила.
Над первой снежностью двора
Взлетает матовый затылок
Уверенного топора.

По первопутку — что милее?!
Железо с плотью — вот игра!..
Летит, летит над голой шеей
Слепое жало топора...

* * *

Бьется сердце в ладонях чужих, бьется
не уставая,
Бьется сердце, как рыба — смотри, отломился
плавник,
Бьется сердце в ладонях, его амплитуда кривая,
Не смолкают удары его ни на миг, ни на миг.

Нет, профессор Бернард не приладит резиновым
пальцем
Этот клапан — оторванный грязной рукою
плавник,
И сердечный ремонт не построишь на базе
заправочных станций.
Вон — на чистых девичьих перчатках виднеется
крик.

* * *

Всё. Забыты ночи и ночевки.
Тары-бары. Суета колес.
Только надо мной несется челка,
Как волна. И как безбрежный плес.

Брошу все: застольное веселье,
Литбригады, срочные дела.
Объясни, какого это зелья
С губ своих попробовать дала?!

Седлая
белесых коней

КИЕВ

Побарабанил сведенными пальцами
По столбику ограды:

жди и помни!

Ах, все мы в жизни рождены скитальцами!

Блеснул сквозь листья

крест на колокольне...

И потекла тяжелая кручина,
Отъезда гарь в заждавшуюся грудь:

Во имя мамы и отца, и сына,

Во имя друга — Город

не забудь!

Собор молчал. Казалось,

чуть покачивал

Зеленою Владимирской главой,

И месяц четкий профиль обозначивал,

И шелестел каштан тугой листвою,

И синью наливалась кручина,

И облаков белели паруса:

Во имя мамы и отца, и сына —

Не набегайте, слезы, на глаза.

Я этот Город вымерял собою,

Босым мальчишкой мчался за дождем.

И стал он мне

и домом, и судьбою,

И жизненной силой

на подъем!

БЕЛЫЙ КОНЬ

Эй вы, где вы,
на белых победных лошадаках
Возмечтавшие радостно
въехать в Москву?
Воздыхатели, возмечтатели
сладкие —
Где, в каких подворотнях
грызете халву?!
Где вы, гордые, рыжие, ражие
парни, —
Вам еще пару строк — и —
садиться в седло!
Где ты, мой гениальный,
веселый напарник,
Что на почте посылки таскал
тяжело?
Впрочем, что я? И книжка
твоя уж выходит,
И на дачу одну ты уже
приглашен...
Только в сумерках синь
удилами забродит —
Где твой конь?..—

Лишь шеренга рыдающих
жен..
Белоконные всадники
не въезжали в столицу,
Растворялись в своих
повседневных делах,
Потому что бесчестье
сквозило в их лицах,
А талант они меряли
в рюмках-рублях.
Белый конь... Он призывно
заржет на опушке —
Умирать-то поэты все едут —
в Париж!
Но стоит у Тверского
блистательный Пушкин,
Приглашает культурно:
дерзайте, малыш!
Венценосная сила струится
во взгляде,
Столько легкости в лёте
волшебных кудрей!..
Все ж помчимся в Москву
сквозь урманы и пади,
На рассвете седлая белесых
коней!..

МЕМОРИАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ АРЛИНГТОН

Римские сидят орлы
На оградах Арлингтона.
Здесь Отчеством горды —
На солдат глядят иконно.
А солдаты под землей —
И над каждым столбик серый.
Что там сделалось с женой?
Где там сын?
Но высшей мерой
Тут отмерено для всех
Римских древних инвестиций.
Здесь и слава и успех,
Здесь плебей и здесь
патриций,
Нунций, квестор и легат —
В Арлингтоне возлежат.
Погребальные огни.
Похоронные святыни.
Гордые глядят орлы —
Чтят в Америке поныне
Тех, кто мужество и честь
В дальних странах не теряли,

Лишь не
Болокони
Расте
Пото
Не за славу, деньги, лесь —
За Отечество стояли.
Гордые глядят орлы
С высоты своей огады,
Словно маршалы с горы,
На походные отряды...
США...

* * *

Смеялся клоун в зоопарке...
Смеялся из последних сил,
Смеялся так, что небу жарко,
И... зверя палкою дразнил.
Не так ли мы:
в огне и дыме
Летящих в бесконечность дней
Смеемся
над людьми живыми —
Чем им больней,
тем нам смешней?..

ГАВАНЬ

Не плавал я, не «мореманил»
И ром на палубе не пил.
И все же, гавань, все же, гавань,
Забуть тебя не хватит сил.

 Как великаньи зубы, кнехты
 На пирсе рядышком торчат.
 Звучит сочнее, звонче смех тут
 И зорек капитана взгляд.
Как будто видит он фарватер,
Насквозь он видит глубину!
...Как аппетитно режет катер
Морскую крупную волну.

 Ах, эта пряная отрава!
 Как хорошо в тугую рань,
 Отдав концы, уплыть за славой!
 Подходят шлюпки. Крик:
— Табань!

КАБИНЕТ ПЕТРА В ПЕТЕРГОФЕ

Здесь Петр жив. Суровый, своенравный,
Не знавший сна в стремительных ночах.
Стоит он у истоков русской славы,
И вся держава — на его плечах.

И нет в рабочем кабинете тряпок,
Но лишь под своды серые взойдешь —
И по спине вдруг холодок и зябкость.
Какая простота, какая мощь —

Резьба по дубу. Тяжело, упорно,
За дюймом дюйм творили мастера.
И вдруг на миг совсем нерукотворной
Покажется древесная игра.

Игра!..

Полков потешных неумность,
И плотницкий топор в руках не зря,
И взглядом не окинешь всю огромность
Сурового русского царя.

ЧЕЛЯДЬ

Когда, захватанный глазами,
На челядь смотрит хмурый князь,
Какими точными словами
Установить меж ними связь:

- Да, князь могуч...
— Да, князь умеет...
— Да, князь заступит в стремяна!
И челядь искренне пьянеет
И обожает без вина.

Но чуть могущего убрали
И поменяли имена,
То денно, ночью, вечерами
Гудит, бухтит:
— Его вина!

Ах, почерк вездесущен челяди —
Она ведь преданна всегда!
И, выгнув шею
Черным лебедем,
Штурмует челядь города.

Но вдруг чуть-чуть не выйдет что-то,
Не выйдет княжич на крыльцо,
А ей уже свистеть охота,
Бить благодетеля в лицо.

Да в харю, вдрызг!
Под свист и ржанье —
Был — властелин,
Теперь — мертвец.
И челядь смотрит с обожаньем
На примеряющих венец.

СТАРЫЕ ДОМИКИ В КИЕВЕ

Старые домики в Киеве —
Дней золотых бахрома...
Ах, до чего же родные вы,
Старые домики в Киеве,
Добрые наши дома.
Вот экскаватор шагающий
Прямо сквозь дом прошагал —
Я не жилец — проезжающий,
Но до чего же, товарищи,
Страшен банальный финал!
Старые домики в Киеве,
Узкие наши дворы —
Я не прописан, я выявлен,
Только в дворах этих вылеплен
С послевоенной поры.
Дождь ли, пороша ли, в инее —
Ах, до чего ж хороши
Пирамидальные, сильные
Киева здания дивные —
...Память свою вороши!
Не забывай под мерцанием
Новых гигантских домов
Первое место свидания,

Старых фонтанов журчание,
Кипень старинных садов.
Чудится ночью осеннею
(Ах, не сойти бы с ума) —
Против течения замяти,
По повелению памяти
Вновь оживают дома.
Копотью, бомбами мечены
И коммунальным жильем
Вовсе не искалечены,
Доброй улыбкой расцвечены,
Входят они в окоем.
Вспомним, как без назиданья:
Дворнику помощь творим:
Лед отбиваем у здания...
И над домашним заданием
Возле коптилки сидим.
Старые домики в Киеве,
Дней золотых бахрама —
Ах, до чего же родные вы,
Старые домики Киева —
Добрые наши дома.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Над человеческой судьбой
Смеялся, как хмельной калика,
Черт с подорожною сумой,
Насмешник злой с орлиным ликом.

И над засаленным столом
В дешевом кабаке поднялся
Фонтан вина. И поделом
Черт над пьянчугами смеялся.

Хлестал густой фонтан вина,
И дрались за глоток пьянчуги.
Твоя душа была пьяна:
Ты слышал человечесью ругань.

О, хитрый черт! Багровый плащ
Так ладно облегает плечи!
А доктор Фауст — просто шарж
На вольнодумье человежье!

Но не понять тебе, гордец
В дворянском праздничном убранстве,
Как смертный платит за венец,
За страсти миг в пустом пространстве.

Ты, пьющий всюду и везде, —
О, как понять тебе однажды:
Что значит верный друг в беде,
Глоток воды в смертельной жажде!..

ЦАРЬ ПЕТР МОЛИТСЯ...

«О Боже, дай такую силу!
Дай мне неистовую длань.
Бояре роют мне могилу,
Доколь холопов слышать брань?!

О Боже, дай такую силу...
Кровь, запекаясь на устах,
Сочится на мою порфиру,
Ручей горячий на перстах!

Господь! Как я, в Россию веря,
Ее безжалостно карал!
Ужели лик мой — рылом зверя —
Я сына в пытную отдал».

Как щупальца, персты худые
И судорога кривит рот —
«О, сколько я сынов, Россия,
Твоих возвел на эшафот.

Но, Боже, укрепи мне волю —
Я ведаю, что я творю.
России нужен выход к морю,
Как вольный ветер кораблю.

Ладонь мне снасти задубили —
Зело холёны короли! —
Они ведь брюхом не крепили
Свои флоты и корабли —

Я добывал пути морския,
Я колокольни разорил.
Я созидал твой флот, Россия,
Канатами крестьянских жил.

Пошто, Господь, твой звон постылый? —
России мощь — тебе хвала!
Мне надо, чтобы пушки били,
А не твои колокола!

За все отвечу без остатка,
О, грешен, темен мой народ...»
Рассвета белая перчатка
Ложится на святой киот.

И видно, как сверкают зубы,
И сжаты гневно кулаки,
Полоской белой злые губы
И синевой ярят белки.

Царь молится. Царь исповедь
Пред Господом дает.
Царь новой мыслью молнится,
Дрожит святой синод.

ОПАЛЬНЫЙ ПОРУЧИК

Триптих

I. Секретное донесение

«Осмелюсь доложить: поручик
Частенько гибели был рад.
И, завивая ус покруче,
Летел на вражеский булат.

Вино пивал, но зная меру.
Солдат пороть не разрешал.
Просился в дело из резерва,
Стишки крамольные слагал:

О Демоне — исчадь ада,
Стишки с похвалой бунтарям;
О супостатах-конокрадах:
Всё неуютное властям.

Осмелюсь доложить: опасен
Опальный молодой пиит,
С Уставом часто не согласен...
Сие поручика не красит, —
Ведь знатен он и родовит...»

II. Розовые черешни

Где есть конец злодейству? Где начало?
В какой об этом ты прочтешь из книг?
Стоит Мартынов возле пьедестала.
Нахмурен лоб. И поднят воротник.
И говорит он еле слышно: «Миша,
Я не хотел. Ведь дрогнула рука...»
Он замирает. Хочет он услышать
Поручика тенгинского полка.
Но Лермонтов молчит. Мартынов видит,
Как падают черешни на песок.
И снова он хрипит и ненавидит,
И потным пальцем давит на курок.
Летит гроза. Бьют капли по черешням,
Смывая с них коричневую пыль.
И снова солнце встанет в небе вешнем,
И рак свои назад протянет клешни,
Но ни на миг не изменится быль.
О, розовых черешен сладкий привкус!
А пистолет — бьет в сердце, наповал.
Летит свинец. Он не подвластен крику
И что с того, что бывший друг рыдал?!
Наш путь сквозной — от отчего порога.
Пройти по жизни чистеньким нельзя
И есть в груди тяжелая тревога:
Уходит жизнь. Уводит вдаль дорога.
И целят в спину бывшие друзья.

III. Характеристика

«Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик... исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

Журнал военных действий

Здесь знают горские собаки
(Не то что б штаба писаря!) —
Тенгинцы — ярые рубаки,
Неустрашимые в атаке
И слуги верные царя.

В сраженьях выступает браво
И честь мундира бережет.
О нем идет лихая слава,
Что острослов и рифмоплет.

Однако я сего — не знаю, —
Не это главное, пока,
Честь офицера охраняет
Отвага нашего полка.

Мне говорят, что он задира,
Что женолюб и дуэлянт...
Но даже золотая лира —
Не значит воинский талант.

По смелости — один из первых.
Стреляет очень метко в цель.
Слуга Отечеству он верный
Прибывший в полк наш из резерва
Поручик Лермонтов Мишель.

БЕГЛЫЙ РАБ

Владимиру Дагурову

Ночь наполнена надеждами.
Для сомнений — нет причин.
Землю рваными одеждами
Греет рыжий Темучин.

За полями, за буранами
Сквозь двойную пелену
Смерч огня летит над храмами,
Рвет китайскую стену —

И звенит над колокольнями
Дикий вопль: Кху-кху! Урагх!
Льется, как вино застольное,
Кровь на княжеский темляк.

И летят тугие гривы
Азиатских лошадей
Над Европою кичливой,
Над бессильем площадей.

Сын степи, железом меченный,
Спит, разбросив руки влет.
И ковыль, луной просвеченный,
От губы его растет.

Сон застиг его под стремянем,
В голове кровавый дым.
Но не властен он над Временем
Так же, как оно над ним.

ЗВОНАРЬ

Бьет колокол.

Угрюмый, вечевой.

Бьет колокол.

Неистово — без страха.

Над площадью,

над крепостной стеной

Летит по ветру

звонаря рубаха.

Звонарь молчит.

Ему ли говорить,

Коль в медной глотке

бьет язык тяжелый!

Горит Россия. Широко горит

Застенный город

и далёко — сёла.

Грохочет медь:

к оружию, народ!

Не гните спины

перед вражьей силой!

И колокол неистово ревет,

И вздрагивают отчие могилы!

Звонарь, греми!

Звонарь, с размаху бей!

Уже свистят над ухом
вражьи стрелы.

А бунчуки —
хвосты степных коней —

Летят по переулкам
обгорелым.

И хан влетает в город —
хмур и яр, —

Башка трещит
от колокольных песен.

И восклицает вождь
степных татар:

«Всех порубить,
а звонаря —
повесить!»

Кровавый всплеск
в глазах у палача,
Помост скрипучий,
и веревка в мыле,

И в мертвых пальцах
плакала свеча...

А утром — вновь
колокола звонили,

И восставали
из немых полей,

И шли на зов
невиданные силы,

И снова вешали
владыки звонарей,

Хребты ломали
и кнутами били...
Но смельчаки —
— пусть участь их горька —
Однажды рухнув,
восстают из праха,
И, словно парус,
мчится сквозь века
Навстречу бурям
звонаря рубаха.

ЗАЧЕМ?

Поэма

В 1965 году я познакомился в Мариинске со старухой, видевшей Чехова во время его поездки на о. Сахалин.

(Использованы факты из биографии и переписки писателя)

I

...И едет он под небом серым.
Трудна дорога, далека.
И кажется порой, что нервы
Наматывает ось возка.

Давно судьбою он отмечен,
Известен он уже везде.
Так что, ему заняться нечем,
Чем ездить при таком дожде?!

Куда же едет доктор Чехов?
Куда его «толкает сплин»?
А всхлип колес по мелкоколесью
Летит на остров Сахалин.

Чуть просветлело. Вновь дождится.
Вновь капли бьют в окне: кап-кап.
С дороги спугивая птицу,
Плетется каторжный этап.

«Кого ведешь?» — «Знамо, убивцы...»
«А политические есть?»
Улыбка на солдатских лицах:
«Без них-то как же, ваша честь?!»

Стекает дождь по пыльной вые,
Пыль в бороде и на седле.
И двуединая Россия
В двуглавом видится орле.

Да, выразительна эмблема.
Возок мой, поскорей катись!
Нам, кажется, припело время
Приехать в город Мариинск.

Письмо первое

В каждом поселке, представьте,
Странных историй — тьма:
Деньги, вино и карты,
Ну и, конечно, тюрьма.

Вот вам простая история:
Двое беглых в тайге,
Два, представьте, Егория,

Отмыли на Лене-реке
Самородок.
Так первый —
 золото проглотил.
За это
 товарищ верный
Череп ему раскрыл.

Да, вот такая история,
Милостивый господин.
Было два беглых Егория,
Остался только один.

В рост он пустил самородок,
В рост поднялся легко, —
Купался не раз поселок
В шампанском «Вдова Клико».

Ах, бабьи тела молодые,
Заждавшийся каторжный пыл!
Он, кажется, деву Марию
Единственную не любил...

Письмо второе

Да тут, в Сибири, разговоров
Иных почти и не ведут, —
О том, каков медвежий нор, —
О том, как промышляют воры.
И золотишко тут как тут,

Звон благородного металла
Создал тюрьму, таможду, суд —
Орла двуглавого начала —
И золото предначертало
Российский каторжный маршрут.

Коль золотишка где намает
Русак иль ссыльный караим, —
Кабак соединит с избою
Он кумачовою рекою
и — всех накачивает в дым.

Шампанским водку запивают,
Портянки режут из шелков.
Душа сибирская большая,
В сибирском необъятном крае —
Ни в чем не знает берегов.

«Потешный» тут хозяин — выкрест.
Один — на сотни верст окрест.
Он знает: что где можно выкрасть,
Кого зарежут нынче тихо,
И носит важно, как купчиха,
Из золота нательный крест.

Ах, «милые мои тунгусы»,
Богат, талантлив, дик край сей.
Ну, написал и так уж густо.
Всех вас целую нежно, грустно,
А выкрест даст мне лошадей...

Письмо третье

...Переплывали Томь. Погодка —
Довольно мерзкая. Впотьмах
Почудилось: подсел к нам в лодку
Весь в черном сгорбленный монах.

И что за мистика такая! —
Он ладаном насквозь пропах.
И шепчет: «Знаю, знаю, знаю,
Чье имя на твоих устах!..»

Откуда он? Тут дружно в силу
На весла мужики легли.
И спутник мой бесследно сгинул,
И — мы достигнули земли!

Хотя повымокли изрядно, —
Нет кашля. Аппетит большой.
Подсохли. На душе — приятно.
Народ здесь щедрый и простой.

А сколь здесь птицы! Бьют матросы
И рыбаки — гуся — веслом.
Мужички курят папиросы,
Но славное есть даже в том, —

Поменьше здесь чиновных — зримо.
Нет нищих. Русская душа
Живет почти неукратима,
А Томь — привольна, хороша...

II

...То вверх, то вниз. Опять с откоса
Спустился маленький возок.
То снег, то листья под колеса
Швыряет ветренный Восток.

Мерцают в лунном свете слезы,
Свистит над конской гривой кнут.
Опять колодников доспехи.
Господь! Благослови их путь!..

Всё замело. Тут надо в оба
Глядеть. Уже не до спанья.
Быть может, вон за тем сугробом
Таится злая полынья.

«Ну что же, край разнообразен,
Но чтоб прожил здесь человек
И чтоб не притупился разум,
Пить должно водку целый век».

Ах, доктор Чехов, доктор Чехов!
Вам все б смеяться, все б шутить.
Эх, хорошо бы вам из смеха
Доху серебряную сшить!

III

Американские чеховеды до сих пор считают, что Чехов поехал на Сахалин из-за несчастной любви...

А в Мариинске нынче новость:
К нам едет знатный человек.
Писатель! Он напишет повесть!
Прославит Мариинск навек!

Культурных заведений — мало:
Завод казенный да тюрьма.
Однако общество вздыхало,
Жена исправника читала
При свечках «Горе от ума».

Притом, гордясь своею статью
И чтоб сразить весь дамский свет,
Она поспешно шила платье
С французской выкройкой манжет.

Исправник, бывший век под мухой,
Вдруг бросил пить. Ну и дела!
Роились пересуды, слухи,
Одна безумная старуха
Мессию у ворот ждала.

Солидный коммерсант заезжий,
Не знавший Чехова вовек,

Рассказывал весьма прилежно
О том, каков он человек.

Притом не мог не подивиться:
— Коль ты — литературный чин,
Зачем же ехать из столицы
На этот самый Сахалин?

А некто, взглядом цепким шаря,
В трактире, как бы невзначай,
Выспрашивал у мерзкой хари:
«Что ищет здесь приезжий барин,
Что говорит о государе
И сколько жалует на чай?..»

Купчиха говорит игриво:
«Ах, доктор, худенький такой!..»
Поблескивает конской гривой
Коса за мощною спиной.

Зачем он в край глухой приехал?
Она-де знает суть мужчин:
«Да за любовницею Чехов
Спешит на остров Сахалин! —

Она супруга отравила
Ее и в каторгу — навек.
И вот теперь писатель милый
Сооружает ей побег».

...Пыль водяная на ресницах...
Вновь дождь! Такой бы по весне.
И два зрачка — две зорких птицы
Живут за стеклами пенсне.

По этим стеклам — не впервые —
Как сани в свадебной игре,
Качаясь, едет вся Россия
В слезах и в снежном серебре.

IV

Вот скатерти — белее снега.
«Ах, доктор, окажите честь!»
А где-то в стены бьет коллега —
Врач из палаты номер шесть.

Сладка чиновничья улыбка —
С ней можно чай гонять весь век.
Попался возле Мариинска
Знакомый милый человек.

Он в чесучовой новой паре,
В очках! Солидный господин!
— Ну что с того, что я в футляре.
А вам — зачем на Сахалин?

Ротмистр козыряет пылко,
Под полозом вздыхает снег.

«Вот эта штатская штафирка —
Большой, сказали, человек!»

Кресты сверкают сквозь прорехи,
Валтузит брата мещанин.

Зачем же едет доктор Чехов
На дальний остров Сахалин?..

КОВЧЕГ

Поэма

Всё забили вокруг
Саквояжи, узлы и корзины,
Я смотрел на людей:
Вот моряк — густобров и плечист,
Две студентки в очках,
Возле них — два вальяжных грузина,
Старый попик, сержант
И одесский седой аферист.

Самолет, что ковчег
Для такого земного собрания,
И запомнились мне
Лица женщин красивых, земных.
Рейс семнадцать ноль три —
Ты людское земли оправданье —
Человек ведь не ангел, не черт,
Не зарвавшийся псих.

Поначалу шутили,
Улыбчиво вещи сдавали.
Я за всеми стоял
С виду очень спокоен и тих.

И видать оттого,
Что в Одессе друзья меня ждали,
Чуть заметная радость
В чертах проступала моих.

Я когда-то служил здесь,
Блуждал по Москве в гимнастерке.
Желдорбата погоны. И юности доблестный пыл.
Одевали меня
Добродушные лапы каптерки.
Но, бывало, во мне
Дух московский с портвейном бродил.

Рейс семнадцать ноль три.
У пилотов веселые лица.
Узнаю стюардессу —
Летел с нею в прошлом году,
И ворчала она:
«Бескультурные хамы в столице!..»
Нынче я здесь повсюду
Культурного хама найду.

Помню я как она
Не туда завела пассажиров —
Под дождем поспешила,
Усадила не в тот самолет.
Рейс семнадцать ноль три,
Мне сегодня, пойми, не до жира —
Я сегодня лечу.
И сегодня серьезный полет.

Рядом в кресле глубоком
Целуется парень с подружкой.
Самолет, что ковчег —
Это Ева твоя и Адам!
Что для них высота —
Голубая бодрящая кружка —
Даже смерть не страшна:
Лишь бы губы прильнули к губам!

Сокровенно дыхание...
Юное жаркое лето.
Не свергай же их, Бог,
Им ведь землю дано оживить!
Рядом с ними сижу...
И моя еще песня не спета —
Мне вот так бы любимой
Дыхание нежное пить!

Самолета вираж...
Почему и зачем в одночасье
Самолет от земли
Отжимает воздушной волной?
Не судьбы ль то вираж?..
Человечье усталое счастье...
Кем была ты мне в жизни:
Сестрою, подругой, женой?

В этот миг, когда жизнь
Зависает на лапках секунды,
Ты покрепче за брючный ремень
Или пояс держись.

Самолета вираж.
На земле ведь и сладко и скудно,
И веселье в слезах..
А всё вместе — обычная жизнь.

В этот миг я тебе
Отпускаю твои прегрешенья.
Что считать, что гадать —
Все на лапках секунды висим.
Черт с тобою, лови
Свою жизнь за мгновеньем мгновенье!
Я ведь тоже легко
Проживал среди весен и зим.

В третий раз самолет
С мерным ревом ушел от посадки.
Вот четвертый заход —
Говорят не выходит шасси? Что?
На лицах пилотов застыли
Угрюмые складки:
Тут и черти и ангелы —
Всех же их надо спасти.

Стюардесса твердит:
«Пристегните ремни для посадки!
Пришлый АН не смогли в срок
С посадочной снять полосы.
Погодите рыдать.
С самолетом у нас все в порядке!»
И усатый грузин нежно гладит
Большие усы.

Нет, не тот он грузин,
О котором всё пишут и пишут,
Этот наш пассажир —
Он такой же в ковчеге, как все.
И они не друзья,
Старый Ной, забирайся на крышу,
Человечество тут хоть не всё,
Но в обычной красе.

Вот земля, вот причал!..
Но опять нас волной оттолкнуло —
Новый начат заход,
В напряженном режиме таком
Мы немного оглохли,
Стюардесса нам лишь подмигнула,
А багровый дантист
Погрозил вдаль большим кулаком.

Сделан круг над землею
И вновь мы идем на посадку.
Очищай полосу —
Нас Одесса встречает и ждет!
У пилотов на лбах
Капли пота, тяжелые складки...
Принимай же, Земля,
Наш ковчег в синем небе плывет!

Этот пятый вираж...
Напряженность оставила лица.
Все вздохнули
И вот

Самолет наш коснулся земли.
И секунда касанья
В сознании людей будет длиться, —
Это люди людей
От гибели грозной спасли.

Так чего же еще?
О, встречай меня, мама-Одесса!
Я живу, я иду,
И улыбки на лицах друзей.
Лица встречных теплы,
Здесь Перессыпь и прочие стрессы...
Не теряйте, пилоты, свой курс
Из-за бранных страстей!

В этих взорах людских
В этих душах
Земное сокрыто.
Не бросайте штурвал!
Проверяйте надежность шасси!
Рейс семнадцать ноль три,
Ты — молекула грозных событий.
Человеческий разум! —
Ковчег! —
Нашу Землю спаси!

СОДЕРЖАНИЕ

«Железнодорожная пехота!..»	4
---------------------------------------	---

РАССВЕТНЫХ ДАЛЕЙ БЛАГОДАТЬ

Красный пояс	6
«Вот изморозь шпалы покрыла...»	7
«Слышал ты, как кричат поезда...»	8
В тире	9
Памяти поэта	10
Сибиряки	11
Светлячок	12
Секунда	13
Шпала (однополчанам)	14
Военные сны	16
Судьбы людские	17
«На фронт тянулось множество дорог...»	18
«Пошел состав...»	19
Рассветных далей благодать...	20
«Хороша ты, вагонная дружба...»	21
Дядя Ваня — фронтовик	22
Барабинские вóроны	23
Расставание	24
«Стихи писать...»	25
Стихотворение однополчанам	26
Эмблемы	27
Тайга	28
Тайга — дорог железных узел	29
Декабрьский рассвет	31
«Поздний рассвет...»	32

К серому камню склонюсь головой...	33
«Вырезаю строчки из стали...»	34
Река Ирпень	35
Кемеровская железная дорога	37
Снег	39
«Не скатертью дорога стелится...»	40
Севастопольский этюд	41
«Геракл не стал бы исполином...»	42

ВОСЕМЬ СТРОК

«Имеет все свое начало...»	44
«Не выйдет из тебя поэта...»	45
Шутка	46
«Вдруг показалось, что земля — пустыня...»	47
Поэты	48
«У старого, больного Дон-Жуана...»	49
«На две копейки заставляли жить...»	50
Идолы	51
Монолог поэта	52
«Костоправы от поэзии!..»	53
«А на привозе...»	54
Мольба Дон-Кихота	55
«Может быть, споткнусь когда-то...»	56
1946 год	57
«Не раз вместо хлеба...»	58
Осенний пляж	59
Привокзально	60
Железные кольца	61
Ведьма	62
«Какого черта!..»	63
Туман	64
К вскрытию гробницы Иоанна Грозного	65
Библейский сюжет	66
«Крестоносцы — храбрые ребята...»	67
Последнее...	68
Монолог Мальвины	69

«И если жизнь развалилась...»	70
«Уходят мужчины...»	71
«Всё сарай, бараки, застройки...»	72
«Ругани площадной стужа...»	73
«Играет с молодостью сила...»	74
«Бьется сердце в ладонях чужих...»	75
«Всё. Забыты ночи и ночевки...»	76

СЕДЛАЯ БЕЛЕСЫХ КОНЕЙ

Киев	78
Белый конь	79
Мемориальное кладбище Арлингтон	81
«Смеялся клоун в зоопарке...»	83
Гавань	84
Кабинет Петра в Петергофе	85
Челядь	86
Старые домики в Киеве	88
Мефистофель	90
Царь Петр молится...	91
Опальный поручик (триптих)	
I. Секретное донесение	93
II. Розовые черешни	94
III. Характеристика	95
Беглый раб	97
Звонарь	98
Зачем? (поэма)	101
Ковчег (поэма)	111

1-808011977
081980 11/12

© Ленин О. А. 1997
© Ковчег В. П.
1997 г. издательство

1-808011977-7

ББК 84.3Р7

П 30

Литературно-художественное издание

Печеник Семен Аркадьевич

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПЕХОТА

С Т И Х И

Редактор В. М. Баянов

Художник В. П. Кравчук

Технический редактор Р. П. Макарова

Корректор В. А. Волкова

Сдано в набор 04.12.96 г. Подписано в печать 18.01.97 г.
Формат 70×90 $\frac{1}{32}$. Гарнитура Литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 4,24. Тираж 1000 экз. Заказ № 47.
Цена договорная. Издательство «Сибирский родник».
650099, г. Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25. Типография
УВД. 650020, г. Кемерово, ул. Н. Островского, 17.

П 4702010202—1 Без объявл.
ЛР № 030182

© Печеник С. А., 1997

© Кравчук В. П.,
оформление, 1997

ISBN 5—8434—0076—X

4p -

4-96